

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПАРТНЕРЫ РОССИИ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ*

Н. Ю. Сурков

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова
Российской академии наук*

Поступила в редакцию 24 сентября 2021 г.

Аннотация: рассматривается политика Российской Федерации в Восточном Средиземноморье в период с 2011 по 2021 г. Анализируются причины и предпосылки, которые способствовали возрождению интереса Москвы к данному региону. Автор предпринимает попытку выявить ключевые интересы России, а также оценить состояние и перспективы развития отношений с основными региональными партнерами; приходит к выводу, что активизация российской политики в Восточном Средиземноморье продиктована сочетанием интересов национальной безопасности и экономических интересов прежде всего в энергетической сфере.

Ключевые слова: Россия, Восточное Средиземноморье, Сирия, Турция, Египет.

Abstract: the article focuses the policy of the Russian Federation in the Eastern Mediterranean between 2011 and 2021. The author analyzes conditions and geopolitical considerations that contributed to the renewal of Moscow's interest in this region. The author identifies key interests of the Russian Federation in this region and assesses the prospects for the development of relations with the main regional partners. The main conclusion is that the rapidly growing activity of Russia in the Eastern Mediterranean is based on a combination of long-term national security and economic interests.

Key words: Russia, Eastern Mediterranean, Syria, Turkey, Egypt.

Военная кампания в Сирии, начатая в 2015 г., послужила наглядной демонстрацией возросших возможностей Российской Федерации и подтвердила ее статус глобальной державы, однако сближение Москвы с Дамаском – лишь часть весьма масштабного тренда. Поэтому представляется актуальным разбраться в том, какие обстоятельства и интересы способствовали возвращению России в Восточное Средиземноморье, а также попытаться определить ее основных партнеров и проанализировать перспективы развития отношений с ними.

В отечественной литературе проблематика борьбы за шельф и газовые месторождения в Восточном Средиземноморье получила наиболее обстоятельное освещение в статьях Н. М. Горбуновой и И. И. Ивановой [1], которые рассматривают отношения Турции, Греции, Израиля, Египта, Кипра и Ливана. Также можно встретить публикации о политике отдельных стран, в частности, Израиля (Г. К. Прозорова [2], С. Г. Мелконян [3]) и Турции (А. А. Ирхин, О. А. Москаленко [4]). Существует большой пласт работ по сирийской проблематике, однако отечественные исследователи написали совсем немного работ, посвя-

щенных именно современной российской политике в Восточном Средиземноморье в целом (Д. Б. Малышева [5], Т. В. Зонова [6]). Существует также ряд англоязычных публикаций на данную тему. Впрочем, их авторы в основном сосредотачивают внимание на военно-политической составляющей российской политики и возможных последствиях для США и НАТО [7], а читателям предлагается взгляд на политику России из США, Европы или, например, Турции [8]. В этой связи автор преследовал цель провести комплексный анализ политики России в Восточном Средиземноморье: определить основные интересы и ключевые направления, выделить тренды, которым она будет следовать в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Предпосылки для активизации России в Восточном Средиземноморье

Русский след в Восточном Средиземноморье восходит еще к временам Российской империи. После Октябрьской революции и перерыва на несколько десятилетий уже СССР вернулся в этот регион. В условиях холодной войны присутствие советского Военно-морского флота (далее – ВМФ) в Средиземноморье, где постоянно находились корабли 6-го флота США, имело большое значение для безопасности СССР. Черноморские проливы делали невозможной быструю переброску сил в случае обострения ситу-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039.

© Сурков Н. Ю., 2021

ации, поэтому нужно было иметь постоянную эскадру и обеспечить пункты для ее базирования. Такие пункты в разное время предоставляли Египет, Ливия, Сирия. С окончанием холодной войны 5-я эскадра была расформирована, а Черноморский флот, служивший основой для нее, оказался заперт на базах из-за нехватки ресурсов.

В 2000-е гг. на фоне расширения НАТО и постепенного ухудшения отношений с Западом защита южных районов России в случае возможного конфликта вновь стала актуальной, поэтому появилась необходимость контроля Черного моря и дальних подступов к нему. Уязвимость этого направления стала очевидна после августовской войны 2008 г. Началась активная модернизация Черноморского флота. События «арабской весны», в которые оказалась вовлечена и Россия, потребовали еще большего внимания к Средиземноморью, поскольку на повестке дня встал вопрос об организации бесперебойного снабжения партнеров вооружением и военными материалами (так называемый «сирийский экспресс»).

В 2013 г. было осуществлено формирование штаба и оперативного командования постоянного оперативного соединения ВМФ на Средиземном море [9]. В дальнейшем присутствие ВМФ в этом регионе было закреплено на доктринальном уровне. В 2017 г. был опубликован документ «Основы государственной политики Российской Федерации в области военной морской деятельности на период до 2030 года», который предписывает обеспечить постоянное военное присутствие Российской Федерации в Средиземном море и «других стратегически важных районах Мирового океана, в том числе в районах прохождения основных морских транспортных коммуникаций» [10]. Особо оговаривается развитие вспомогательного флота и пунктов материально-технического обеспечения (далее – МТО) ВМФ за пределами России (п. 29-ж, 40-б).

Активизация ВМФ в Восточном Средиземном море была частью российской стратегии по расширению присутствия на Ближнем Востоке. Согласно концепции внешней политики, Россия намеревалась «вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, поддерживать коллективные усилия, направленные на нейтрализацию угроз, исходящих от международных террористических группировок, проводить последовательный курс на политико-дипломатическое урегулирование конфликтов в государствах этого региона на основе уважения их суверенитета и территориальной целостности, права самим определять свою судьбу без вмешательства извне» [11].

Следует принимать во внимание и дальнейшее ухудшение отношений России с США и НАТО после

начала кризиса на востоке Украины. Одним из ответов на возросшую активность Военно-морских сил стран НАТО в Черном море стало размещение в Восточном Средиземноморье российских кораблей, вооруженных крылатыми ракетами «Калибр». Этому способствовало и превращение пункта МТО в Тартусе в полноценную военно-морскую базу, прикрытую системами противовоздушной обороны (далее – ПВО) в Хмеймиме и имеющую воздушную поддержку от группировки Воздушно-космических сил. В 2018 г. было объявлено об установлении постоянной вахты в Средиземноморье кораблей ВМФ с крылатыми ракетами [12]. Еще одной демонстрацией серьезности планов России по наращиванию присутствия в Средиземноморье стало придание постоянного статуса масштабным учениям корабельных сил и авиации «Океанский щит» [13].

Военно-политические интересы

Как видно из предыдущего раздела, активизация России в регионе была обусловлена в первую очередь интересами национальной безопасности, требовавшими противодействия исходящим отсюда угрозам. Рост российской военной активности происходил на фоне неуклонного ухудшения отношений с Западом. К настоящему времени фактически произошло возвращение к советской политике времен холодной войны. Основная военно-политическая задача – сдерживание НАТО на южном фланге и защита российского хартленда. В период с 2010 по 2020 г. была создана своеобразная буферная зона на южном направлении, которая нужна, чтобы отодвинуть НАТО от границ России. Более того, считается, что Москве удалось создать угрозу для НАТО в Средиземном море [14]. Постоянное базирование в регионе Восточного Средиземноморья российских кораблей и субмарин с крылатыми ракетами заставило 6-й флот переориентировать часть сил с Черного моря на противодействие на российской эскадре.

Военное присутствие в Восточном Средиземноморье позволяет Москве решать и другие внешнеполитические задачи. В первую очередь это возможность проецировать силу и оказывать поддержку союзникам в регионе. В ходе сирийской кампании Россия продемонстрировала, что способна проводить эффективные воздушные кампании с использованием авиации, а также наносить массированные удары с применением крылатых ракет. Помимо поддержки союзников большое значение имеет противодействие террористическим организациям, которые представляют угрозу не только для стран региона, но и для России. Военное присутствие в Восточном Средиземноморье также дает рычаги воздействия на конкретные страны региона, которые важны для России по геополитическим или экономическим причинам. Например, появление российских баз в Сирии существенно по-

влияло на отношения с Турцией и Израилем, которые теперь вынуждены считаться с Россией как с активным военно-политическим игроком в ближневосточном регионе [15]. Значительный интерес к развитию отношений с Москвой демонстрирует Египет.

После 2015 г. у России появилась постоянная и достаточно развитая военная инфраструктура, которая позволяет успешно решать перечисленные выше задачи. Россия получила передовые базы в Латакии и Тартусе, обеспечив относительно комфортное размещение авиационной группировки и военно-морских сил. В Средиземном море стали действовать дизельные субмарины, вооруженные крылатыми ракетами как противовес американским авианосным соединениям [16]. Удалось создать зону ПВО над побережьем Сирии в относительной близости от базы Инджирлик, ключевой базы НАТО на южном фланге альянса. Военно-воздушная база Хмеймим в перспективе может оказаться востребована и как логистический хаб для операций в Африке, к которой Россия проявляет все больший интерес.

Рост российского военного присутствия в Восточном Средиземноморье приносит Москве не только выгоды, но и создает новые вызовы. В частности, появление баз и носителей крылатых ракет спровоцировало ответную реакцию со стороны США и стран НАТО. Пентагон принялся наращивать военно-морские силы в регионе, резко возросла активность американского флота и авиации в восточной части Средиземного моря. США также стали модернизировать базу Суда-Бэй на Кипре, в непосредственной близости от российских военных объектов. Высокопоставленные американские военные открыто заявляют о своей озабоченности в связи с возможным наращиванием российского военного присутствия в Восточном Средиземноморье, в частности, в Ливии [17].

Экономические интересы

Помимо военно-политических у России имеются значимые экономические интересы в Восточном Средиземноморье. Они связаны главным образом с энергетикой. Зарубежные исследователи часто высказывают предположение, что Россия тем самым пытается помешать диверсификации поставок газа в Европейский союз (далее – ЕС) либо же заполнить так называемый «Южный коридор» своим газом. Другой распространенный миф – Россия хочет воспрепятствовать строительству газопроводов из Персидского залива через Ирак и Сирию в Европу. Наконец, можно встретить мнение, что российские компании планируют организовать поставки нефти и газа из Иракского Курдистана транзитом через Сирию.

Россия действительно позиционирует себя как энергетическую сверхдержаву, и европейский рынок является для нее основным. Поставки из Восточного Средиземноморья в перспективе могут составить

определенную конкуренцию российскому газу. Однако диверсификация источников углеводородов – это долгосрочная стратегия обеспечения энергетической безопасности ЕС. Так что помешать этому процессу Россия вряд ли в состоянии, не идя на ухудшение отношений с Европой. Это не мешает российским компаниям расширять географию их деятельности и пытаться обеспечить свое присутствие в странах, где будет вестись добыча газа, предназначенного для европейского рынка, тем более что Средиземноморье считается достаточно перспективным регионом. В 2010 г. американская геологическая служба предварительно оценивала запасы области под названием Бассейн Леванта (простирающейся от Египта на юге до Турции на севере) в 3,45 трлн м³ газа и в 1,7 млрд баррелей нефти. Сейчас геологи считают, что потенциал региона значительно выше – 6,42 трлн м³ газа и 3,8 млрд баррелей нефти [18]. Такие объемы могут представлять значительный интерес. Опыт разработки месторождений на египетском, израильском и кипрском шельфе показывает, что они могут оказаться вполне рентабельными, поскольку есть спрос не только в Европе, но и непосредственно в странах Средиземноморья. Кроме того, экспорт в Европу возможен даже без постройки газопровода EastMed. Например, за счет использования египетских заводов по сжижению газа.

Еще в предыдущем десятилетии российские энергетические компании стали искать себе партнеров для работы в Средиземноморье. Так, в ноябре 2006 г. «Газпром» и итальянская ENI подписали Соглашение о стратегическом партнерстве, в соответствии с которым стороны договорились проработать инвестиционные проекты в области разведки и добычи газа в России и третьих странах [19]. В 2017 г. Роснефть приобрела у ENI 30-процентную долю в египетском месторождении Зохран. В конце 2017 г. Ливан разыгрывал лицензии на шельфовые блоки, в результате два участка получил консорциум НОВАТЭК, ENI и Total. Допустимо предположить, что российские компании ограничиваются миноритарными долями в средиземноморских проектах, чтобы не брать на себя политические риски и не вступать в конкуренцию с крупными западными игроками. Вместе с тем они обеспечивают себе присутствие в регионе.

Российские компании, впрочем, имеют явные преимущества в Сирии и уже начали геолого-разведочные работы на шельфе. В марте 2021 г. появилась информация о предоставлении двум российским компаниям – Capital Limited и East Med Amrit – прав на разведку нефти и газа в сирийской исключительной экономической зоне (далее – ИЭЗ). Capital Limited будет проводить разведку в блоке 1 у побережья Тартуса. Согласно объявленной Сирией ИЭЗ, блок, прилегающий к морской границе Ливана, занимает

площадь 1250 км². Геолого-разведочные работы рассчитаны на 48 месяцев и при необходимости могут быть продлены еще на 36 месяцев. Компания потратит на разведку и бурение не менее 13 млн долларов. East Med Amrit приступила к трехмерным сейсмическим исследованиям в блоке 2 площадью 2190 км² между севером Тартуса и южным Баниясом [20]. Примечательно, что Роснефть проявляла интерес к работе на шельфе Ливана, однако ограничилась арендой нефтяного терминала в ливанском Триполи.

В перспективе возможно участие российских компаний в добыче углеводородов и в Ливии. Наиболее вероятными кандидатами являются Татнефть, Газпром и Роснефть. Татнефти в целом удалось сохранить свое присутствие, но из-за крайне нестабильной ситуации она неоднократно приостанавливала работу в Ливии. В феврале 2017 г. Роснефть и ливийская НОС договорились о сотрудничестве в геологоразведке и добыче нефти [21], однако этим планам помешал очередной виток гражданской войны, начавшийся весной 2019 г. У Газпрома тоже есть интересы и остановленные проекты в Ливии. В 2011 г. Газпром и ENI подписали договор уступки доли в соглашении о разделе продукции (далее – СРП) по проекту «Elephant». В соответствии с документом к Газпрому перейдет 50 % доли ENI в консорциуме, участвующем на условиях СРП в разработке ливийского нефтяного месторождения, а именно – 33,33 % консорциума иностранных компаний. Стоимость приобретаемого актива составила 163 млн долларов США [22].

Партнеры как составляющая регионального влияния

Как показал еще советский опыт, чтобы эффективно отстаивать свои интересы, Москве требуются надежные союзники в Восточном Средиземноморье. В разное время в этом качестве выступали Египет, Ливия, Сирия. Однако полагаться на одну страну оказалось невыгодно, поэтому Россия старается диверсифицировать свои контакты и налаживать партнерские отношения с целым рядом стран Восточного Средиземноморья.

Турция. Несмотря на разногласия по некоторым политическим вопросам и геополитическое соперничество, Россия и Турция активно развивают торгово-экономическое, энергетическое и даже военно-техническое сотрудничество. Например, в области взаимной торговли стоит амбициозная цель довести ежегодный ее объем до 100 млрд долларов. Через территорию Турции российский газ экспортируется в Болгарию, Грецию, Румынию, Северную Македонию. С января 2021 г. начались поставки в Сербию и Боснию и Герцеговину. Ведутся работы по подключению к газопроводу «Турецкий поток» Венгрии. Стремление Москвы и Анкары к поиску взаимопонимания и

кооперации поддерживается существующей напряженностью в отношениях со странами Запада.

Восточное Средиземноморье одновременно является и зоной столкновения интересов Москвы и Анкары, и зоной их сотрудничества. Особенно это заметно в Сирии и Ливии. В 2020 г. Россия и Турция сумели договориться о прекращении огня в Идлибе и с тех пор сотрудничают в плане поддержания стабильности на севере и северо-западе Сирии. В Москве заявляют, что Турция может стать частью решения ливийской проблемы. Об этом свидетельствуют попытки совместного российско-турецкого посредничества в урегулировании ливийского конфликта. В январе 2020 г. президенты Владимир Путин и Реджеп Эрдоган договорились добиваться деэскалации «на земле» и продвижения политического процесса в Ливии. С тех пор ливийская тема прочно вошла в повестку дня двустороннего диалога и совместных инициатив двух стран.

Есть определенные надежды и на развитие российско-турецкого энергетического партнерства в регионе. Глава Минэнерго Александр Новак заявил, что считает возможным «сотрудничество» российских нефтяных компаний и Турции на шельфе в Восточном Средиземноморье [23]. Однако тут возможны сложности, поскольку Россия выступает скорее с прогрессивных позиций в споре между Грецией и Турцией по проблеме раздела территориальных вод и шельфа в Восточном Средиземноморье. Москва ратует за решение вопроса исключительно на основе международного права. Глава МИД Сергей Лавров подчеркнул, что позиция России, подписавшей Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., основана на содержащихся в этом документе международно-правовых нормах [24]. Последнее больше отвечает интересам Греции, а не Турции.

Египет. Контакты Москвы с Каиром активизировались после 2013 г. Россия фактически приветствовала отстранение от власти в Египте исламистов и помогла обеспечить международное признание для созданных военными временных органов власти. В дальнейшем одним из драйверов двусторонних отношений стали личные контакты между лидерами стран. Для России Египет интересен как самая многонаселенная страна арабского мира, располагающая мощными вооруженными силами и традиционно играющая одну из ключевых ролей в регионе.

Еще в правление Хосни Мубарака Россия и Арабская Республика Египет (далее – АРЕ) подписали соглашение о стратегическом партнерстве, однако действительно стратегическим оно становится именно после 2013 г. Россия, в частности, стала основным провайдером продовольственной безопасности для АРЕ. Египет стал крупнейшим импортером российской пшеницы – на нее приходится до 80 % всех еги-

петских закупок [25]. Общий объем торговли у России с Египтом меньше, чем с Турцией, однако АРЕ является крупнейшим торговым партнером в Африке. Российско-египетский товарооборот в 2018 г. вырос до 7,7 млрд долларов, при этом экспорт достиг 7,1 млрд долларов [26]. Нельзя не учитывать упоминавшееся выше участие Роснефти в консорциуме, разрабатывающем стратегически важное для АРЕ газовое месторождение Зохран. Египет также стал важным направлением для российского оружейного экспорта. Россия поставила в Египет системы ПВО и большое количество авиационной техники, в частности, ударные вертолеты Ка-52 и истребители МиГ-29 [27].

Сотрудничество с Каиром обеспечивает Москве поддержку на региональном уровне ее политики в Сирии. После смены власти в 2013 г. Каир прекратил поддержку сирийской оппозиции и стал ратовать за уважение суверенитета Сирийской Арабской Республики (далее – САР), а в дальнейшем приветствовал усилия России по борьбе с террористическими группировками. Наконец, в 2021 г. АРЕ выступала с призывами вернуть Сирию в «арабскую семью», восстановив ее членство в Лиге арабских государств [28].

Сирия. Развитие отношений с САР остается одним из ключевых направлений российской политики в Восточном Средиземноморье. Начиная с осени 2015 г. Сирия – витрина российских возможностей в военной и политической сферах. Антитеррористическая кампания в САР ознаменовала возвращение России как военно-политического игрока не только в Средиземноморье, но и на Ближний Восток. От развития ситуации в Сирии и вокруг нее будет зависеть престиж России в регионе.

Как отмечалось выше, в Сирии Россия располагает двумя военными базами. Будет ошибкой воспринимать их как некий несокрушимый «русский Гибралтар» в Восточном Средиземноморье, но они позволяют обеспечить передовое базирование сил и средств, необходимых как для решения задач борьбы с терроризмом, так и для противодействия гипотетическим угрозам со стороны НАТО. Хотя следует также учитывать, что современные масштабы российского военного присутствия намного скромнее, чем во времена холодной войны между СССР и США.

Экономическое сотрудничество Москвы с Дамаском вынужденно ограничено, поскольку экономика САР сильно пострадала в ходе гражданской войны. Однако российские компании все активнее подключаются к восстановлению различных отраслей. Кроме того, эксклюзивный доступ к сирийскому шельфу сулит российским компаниям значительные дивиденды.

Итак, восточное Средиземноморье, которое долго оставалось для Москвы второстепенным регионом, после 2011 г. в силу обстоятельств быстро стало играть все более заметную роль во внешней

политике России. Это произошло благодаря сочетанию геополитических обстоятельств, появлению у Москвы новых политических и экономических интересов, а также актуализации старых угроз.

По сравнению с советским периодом заметно возросла роль экономической составляющей в политике Москвы. Стремление отечественных корпораций расширить географию своего присутствия также сделало этот регион более привлекательным. Наконец, в регионе наблюдается стабильно растущий спрос на российскую сельскохозяйственную продукцию и вооружение. Россия стала для стран региона одним из основных партнеров в сфере продовольственной безопасности, демонстрирует готовность поставлять различные виды современных вооружений по более низкой цене и без обременительных политических условий.

Свою роль сыграла и дестабилизация, охватившая Ближний Восток и Северную Африку на волне «арабской весны». Рост числа конфликтов усилил заинтересованность региональных игроков в более широком привлечении внешних сил, а также в диверсификации связей, дополнительным стимулом для которой стало сокращение американской и европейской активности. В отношениях с региональными партнерами Россия проводит прагматичную политику и старается не брать на себя чрезмерные обязательства. Основным активом являются союзнические отношения с Сирией. Прогресс на этом направлении был наиболее быстрым и впечатляющим, но он принес и новые вызовы. Значительное внимание уделяется Турции как ключевому звену НАТО на южном фланге, а также важному игроку в Сирии и Ливии. Важным достижением стала активизация связей с Египтом.

В целом можно констатировать, что у России имеются существенные политические и экономические интересы в Средиземноморье, которые носят долгосрочный характер, т. е. Москва пришла в регион надолго. Если Россия продолжит позиционировать себя как глобальную державу, то следует ожидать, что присутствие на Ближнем Востоке и в Средиземноморье сохранит свою важность для российской политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунова Н. М. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья : итоги и перспективы / Н. М. Горбунова, И. И. Иванова // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 2 (12). – С. 64–79. – DOI 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79.
2. Прозорова Г. К. «Периферийная стратегия» Израиля : современное видение / Г. К. Прозорова // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 1 (23). – С. 161–176.
3. Мелконян С. Г. Внешнеполитическая стратегия Государства Израиль в Восточном Средиземноморье на примере Греции и Кипра / С. Г. Мелконян // Научно-

аналитический журнал «Обозреватель-Observer». – 2020. – № 9 (368). – С. 71–82.

4. *Ирхин А. А.* «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики : перспективы и вызовы для России / А. А. Ирхин, О. А. Москаленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 91–107. – DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.

5. *Мальшиева Д. Б.* Россия в Средиземноморье : геополитика и современные интересы / Д. Б. Мальшиева // Международная жизнь. – 2015. – № 11. – С. 111–123.

6. *Zonova T.* Mediterranean trend in the Russia's foreign policy / T. Zonova // Rivista di Studi Politici Internazionali. – 2015. – Vol. 82, № 4. – P. 521–529.

7. *Rumer E.* Russia in the Mediterranean : Here to Stay / E. Rumer, R. Sokolovsky // Carnegie. – 2021. – 27 мая. – URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/27/russia-in-mediterranean-here-to-stay-pub-84605>

8. *Kasapoğlu C.* Russia's Ambitious Military-Geostrategic Posture in the Mediterranean / C. Kasapoğlu, S. Ülgen // Carnegie. – 2021. – 10 июня. – URL: <https://carnegieeuropa.eu/2021/06/10/russia-s-ambitious-military-geostrategic-posture-in-mediterranean-pub-84695>

9. Шойгу доложит о формировании штаба соединения ВМФ на Средиземноморье // РИА Новости. – 2013. – 5 июня. – URL: <https://ria.ru/20130605/941577587.html>

10. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 20 июля 2017 г. № 327 // Администрация Президента России. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42117/page/2>

11. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД РФ. – 2016. – 1 дек. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248

12. Корабли с «Калибрами» перейдут на постоянную вахту в Средиземноморье // РИА Новости. – 2018. – 16 мая. – URL: <https://ria.ru/20180516/1520706890.html>

13. Шойгу : учения ВМФ и авиации в Средиземноморье будут проводиться на постоянной основе // ТАСС. – 2018. – 2 нояб. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5750503>

14. *Stronski P.* A Difficult Balancing Act : Russia's Role in the Eastern Mediterranean / P. Stronski // Carnegie. – 2021. – 28 июня. – URL: <https://carnegieendowment.org/2021/06/28/difficult-balancing-act-russia-s-role-in-eastern-mediterranean-pub-84847>

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук

Сурков Н. Ю., кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Центр ближневосточных исследований»

E-mail: nsurkov@imemo.ru

15. *Yadlin A.* Russia in Syria and the Implications for Israel / A. Yadlin // Strategic Assessment. – The Institute for National Security Studies (INSS). – 2016. – Vol. 19. – № 2, July. – P. 9–26.

16. Группировку подлодок с «Калибрами» в Средиземноморье увеличили до пяти субмарин // ТАСС. – 2021. – 9 сент. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/12337161>

17. *Everstine B.* AFRICOM : Russia Expanding Its Presence in Libya / B. Everstine // AIR FORCE MAGAZINE. – 2020. – 24 июля. – URL: <https://www.airforcemag.com/africom-russia-expanding-its-presence-in-libya/>

18. *Касаев Э. О.* Российские компании и нефтегазовые ресурсы Средиземноморья / Э. О. Касаев // Институт Ближнего Востока. – 2017. – 29 апр. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=34386>

19. «Газпром» и итальянская ENI подписали Соглашение о стратегическом партнерстве // Газпром. – 2006. – 14 нояб. – URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2006/november/article55943/>

20. Российские компании в Восточном Средиземноморье скрывают названия из-за возможных санкций США // Анадолю. – 2021. – 1 апр. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru>

21. «Роснефть» и ливийская НОС договорились о сотрудничестве и добыче нефти // Ведомости. – 2017. – 21 февр. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2017/02/21/678564-rosneft>

22. «Газпром» приобретает у ENI долю участия в ливийском нефтяном проекте «Elephant» // Neftegaz. RU. – 2011. – 16 февр. – URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/266881-gazprom-priobretaet-u-eni-dolyu-uchastiya-v-liviyском-neftyanom-proekte-elephant/>

23. Турция пообещала шельфовую дружбу // Коммерсант. – 2019. – 26 июля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4045423>

24. Лавров : спор Греции и Турции в Средиземноморье может быть решен только путем диалога // ТАСС. – 2020. – 26 окт. – URL: <https://tass.ru/politika/9814761>

25. Египет засыпало российским зерном // Коммерсант. – 2020. – 31 авг. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4474172>

26. Межгосударственные отношения России и Египта // РИА Новости. – 2019. – 26 апр. – URL: <https://ria.ru/20190426/1553009363.html>

27. Египет получил из России новые истребители МиГ-29 с ракетами Х-31 // Интерфакс. – 2018. – 25 окт. – URL: <https://www.interfax.ru/world/635088>

28. Россия и Египет выступают за возвращение Сирии в ЛАГ // Международная жизнь. – 2021. – 13 апр. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29732>

National Research Institute of World Economy and International Relations named after E. M. Primakov of Russian Academy of Sciences

Surkov N. Yu., Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow of the Center for Middle East Studies

E-mail: nsurkov@imemo.ru